

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ ВАЛЕНТИН СМИРНОВ

О СЕБЕ

Очень трудно писать о себе. Еще труднее — о своем прошлом. Перепутались дни, сместились в памяти годы и даты. Одно незабываемо: лето 1944 года. Восемнадцатилетним пареньком я в пехотной цепи лежу под прибалтийским городком Двинском.

Мы не знаем, когда нас поднимут в атаку. Мы лежим на земле и ждем сигнала. Может, он раздастся сейчас, может — завтра на рассвете.

Кто-то будет убит. Кто-то ранен. Кто-то останется жив. Но город все равно будет взят. Так надо. Так будет.

Я не хочу умирать. По крайней мере, я стараюсь о смерти не думать. Я лежу и вспоминаю стихи. Конечно, своего любимого поэта Лермонтова. Я их учил в школе. Перед самой войной.

...Ко мне он кинулся на грудь,
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Свое оружие. Он завыл,
Рванулся из последних сил...

Мужественные, сильные строки вспоминаются легко и свободно. Я уже думаю о другом, но железный, властный ритм лермонтовского стиха остается в сердце. И сердце мое бьется в такт этому ритму. И я слышу новые слова. Я быстро записываю их в походную книжку:

...И на сырой кореножом,
А, может, наспех и штыком
Здесь кто-то вывел: — Спи, герой!
Ты жизнь отдал за край родной!

Позднее приходят другие слова, другие образы. Рифмы легко ложатся на бумагу. Утром стихотворение «Погибшему товарищу» я послал в редакцию дивизионной газеты. А город Двинск? Он был освобожден только через две недели.

К поэзии я тогда относился, как к полковому знамени. Хотел сказать, как к первой любви, но она была еще впереди. Впереди были и новые ожесточенные бои.

Помню бой под местечком Млавой, уже в Польше. Мы перебили большой отряд эсэсовцев, сопровождавших в концлагерь польских граждан. Помню пестрые рваные халаты, бледные лица. Я тогда написал об этом событии стихи «Яростная гроза».

Почему я любил (и люблю) стихи — не знаю. Но я и сейчас не бросаю трудной поэтической работы.

Солдатская муза привела меня в газету, сделала профессиональным журналистом. Спасибо ей за это!

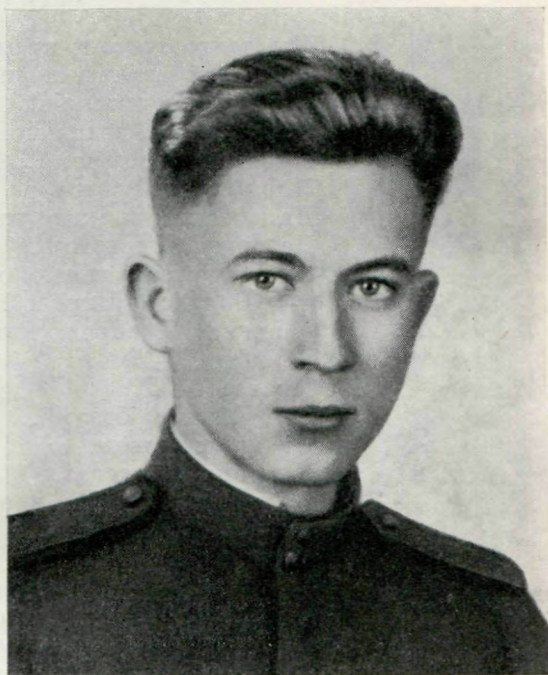
Валентин Анатольевич Смирнов родился в 1926 г. в г. Сычевке, Смоленской области. Свою военную биографию начал в 1943 г. в партизанском отряде им. С. М. Кирова бригады «За Родину», действовавшей на территории Белоруссии, в районе Полоцк — Вильнюс — Друя.

В первой половине 1944 г., уже в составе действующей части 1 Прибалтийского фронта, участвует в боях за освобождение Белоруссии и Литвы.

В январе 1945 г., после окончания спецучилища, направляется командиром радиоотделения в 42 стрелковую дивизию 2 Белорусского фронта. С боями доходит до Германии.

В. А. СМИРНОВ

Фотография. Берлин, лето 1945 г.
Собрание В. А. Смирнова, Алма-Ата

Первое стихотворение Валентина Смирнова было опубликовано во фронтовой печати в 1944 г. Награжден медалями: «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и др. После окончания войны служил в группе оккупационных войск в Германии. Демобилизовался в 1950 г. В настоящее время живет в Алма-Ате, работает литературным сотрудником в республиканской газете «Казахстанская правда».

ПЕРВЫЙ БОЙ

Меня обстригли наголо,
 Мальчишкой увезли
 За озеро, за Ладогу,
 На самый край земли.
 В четыре цвета радуга,
 И в две шеренги строй.
 Оттуда, из-под Ладоги,
 Ушел я в первый бой.
 Смотрел, прищурясь, месяц
 Сквозь мокрую пургу,
 Как, целясь и не целясь,
 Стрелял я по врагу.
 В блиндаж с одной гранатой
 Врывался, словно бог.
 И вражеским солдатам
 Кричал я: «Hände hoch!»
 А после боя чарку
 Мне выдал старшина:
 — Держись!
 Всем было жарко...
 ...И вышил я до дна!

Июль 1944 г.

АТАКА

Мы долго грызли кремнистый грунт
 Звенящей сталью лопат,
 Чтоб был готов наблюдательный пункт
 К утру, как велел комбат.
 Противник молчал...
 Лишь ветра свист,
 Да филина крик в ушах,
 Да рядом тревожным баском связист
 Опе вызывал впотьмах:
 — «Баркас», „Баркас“! Принимай опять!
 „Баркас“! Говорит „Разгон“!
 Прицел 7—20,
 Правее 0—5,
 Две мины... беглый... огонь!»
 От яркого света
 Немецких ракет
 Я прячусь глубже в окоп.
 О этот дрожащий,
 Предательский свет
 И пулеметы — в лоб!
 В испуге скрылся за облака
 Оранжевый диск луны,
 Когда в атаку пошли войска
 Под музыку бога войны.
 И сразу сильный,
 Огненный шквал
 Стволы раскалил добела.
 И плечи расправил
 Седой генерал:
 — Родная... пошла, пошла!

Август 1944 г.

В ПИНСКИХ БОЛОТАХ

За бродом — брод.
 Машины месят ил.
 А дальше — топь,
 Тоскливые березки.
 Где глох мотор
 В сто лошадиных сил,
 Там выручала лошадь и повозка.
 На берегах обрывистых реки
 Давным-давно забыли наши ноги,
 Что где-то есть прямые большаки
 И синие асфальтные дороги.
 Патронов нет,
 И хлеба тоже нет,
 И не понять:
 Где немцы,
 А где наши.
 Но есть штыки,
 Есть, чёрт возьми, кисет,
 А с табачком и умирать не страшно!
 Мы раненых выносим на руках,

БОЕВОЙ ЭПИЗОД

Рисунок М. Н. Домашенко (черная акварель), 1943 г.
Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

Идем вперед
Навстречу пулеметам.
Идем вперед.
Сквозь смерть идем,
Сквозь страх,
Сквозь зыбкое,
Коварное болото.
Идем вперед.
И нас не задержать:
Ведь мы —
Ее величество Пехота!

Лето 1944 г.

ЯРОСТНАЯ ГРОЗА

Виктор Мосальский из Млавы—
Польского городка.
Помнишь ли ты безусого
Русского паренька?
С лычками на погонах
Русского паренька
Энского, краснознаменного
Действующего полка?
Виктор Мосальский из Млавы,
Друг мой,
товарищ,
брат.

Я тебя помню мальчиком
В сером халате до пят.
Худеньким, смуглым мальчиком
В пестром халате до пят,
Шагавшим дорогой смертников

В сумрачный Бухенвальд.
 Ветер сковывал сердце,
 Халат распахивал твой
 С белой роковой
 Шестиконечной звездой.
 С белой, роковой
 Мученической звездой.
 словно в мишени по звездам
 Пьяный стрелял конвой.
 Я этого не забуду,
 Это забыть нельзя,
 Полные боли и скорби
 Огненные глаза.
 Череп, обтянутый кожей,
 Огненные глаза.
 О, как бушевала над Одером
 Яростная гроза!
 Яростная от всполохов
 Ведущих огонь батарей,
 Яростная от крови
 Павших в бою парней.
 В серых, тяжелых шинелях
 Лучших моих друзей.
 Еще не высохли слезы
 Жен их и матерей!
 Тебя и твоих товарищей
 Со звездами на спине
 Не дали вот эти парни
 Поставить лицом к стене,
 В адских печах Бухенвальда
 Испепелиться в огне.
 Виктор Мосальский из Млавы —
 Польского городка.
 Мы с тобой ели кашу
 Из одного котелка,
 Чаем ее зашили
 Из одного котелка.
 Робко руку солдата
 Сжала твоя рука.
 — Друг мой! Товарищ! — тихо
 Губы шепнули твои.
 Мы духом с тобой едины
 В ненависти и в любви.
 К черным силам — в ненависти.
 К солнцу и звездам — в любви!
 Земле захлебнуться снова
 Мы не дадим в крови.
 Со временем тлеют бумаги,
 Стираются с них слова.
 Лишь запись, что сделана сердцем
 Имеет на жизнь права.
 Наша дружба с тобою
 Вечно будет жива.
 И дружбою этой держится
 Над шаром земным синева!

9 мая 1945 г.